

**Реализация ориентального аспекта в философской (медитативной)
лирике ф. И. Тютчева и Э. Э. Дикинсон**

Ю. С. Пятачков, 5 курс, факультет белорусской и русской филологии,
научный руководитель – доктор филологических наук, профессор
Т. Е. Комаровская

С недавних пор стало вполне обычным видеть имена Ф. И. Тютчева (1803 – 1873) и Эмили Дикинсон (1830 – 1886) вместе (и это во многом благодаря Арк. Гаврилову, глубокому интерпретатору творчества «амхерстской монахини»). Ф.Тютчев и Э.Дикинсон в своей медитативной лирике приподнимают одну не определённую до конца завесу той Тайны, к которой были приближены в контексте приобщённости к немецкой классической идеалистической философии (посредством И.Канта, Ф.В.Й.Шеллинга) и на фоне непрерывного поиска мировых вечных Истин. Истины эти приурочены у них к традициям восточной философии. Вскрыть и изучить первоисточки ориентального аспекта (от лат. *oriens* – Восток) в поэтическом творчестве как одного из системообразующих в философской лирике обоих поэтов и есть цель нашей работы.

Безусловно, поэты говорили о Востоке как о стороне света, что и понятно ввиду сложившейся постепенно у обоих натурфилософской концепции, требовавшей, помимо всего прочего, и предварительного анализа механизма утреннего, дневного и вечернего света на всех направлениях. Этот уровень определяется нами как **эксплицитный**, хотя и недостаточно педалируемый в критических исследованиях по обозначенному вопросу (у Тютчева ввиду вышеизложенного читаем: *«Восток белел. Ладья катилась.../ Восток алел.../ Восток вспылал...»* [4] или: *«Смотри, как запад разгорелся /Вечерним заревом лучей,/ Восток померкнувший оделся /Холодной, сизой чешуей!..»* [4]; у Э.Дикинсон находим следующее: *«...С этого дня начался – безотказно / Точный – как солнцеворот./Счастье старо – избранники новы./ Стар – бесспорно – Восток. /Но на его пурпурной программе/ Впервые каждый Восход»* [2] или: *«...как столб – я стою – Ведь я молила Восток: «Чуть-чуть Рассвет приоткрой!»...»* [2] и т. д.). Другой же, **имплицитный**, и выявляемый на уровне общности и различий с классическими восточными истинами сакрального толка, переработанными поэтическим воображением (*«На севере мрачном, на дикой скале/ **Кедр** одинокий под снегом белеет.../Про юную **пальму** всё снится ему,/ Что в дальних пределах Востока...»* [4]. Понять указанный уровень и увидеть выявляемые на нём ориентальные истины можно на примере последнего из указанных стихотворений Тютчева *«На севере мрачном...»*, представляющем поэтическое переложение потрясающего поэтического шедевра Г. Гейне (1797 – 1856). Выявляемое здесь имя Гейне неслучайно. Немецкое *«Fichtenbaum»* большинство переводит как

«кедр»¹ (при более целесообразном «сосна»). Интересен вопрос с *«Morgenland»*. А ведь здесь речь идет о Ближнем Востоке. *«Fichtenbaum»* мечтает о Сионе. Притом, что Сион – Юго-западный холм в Иерусалиме, на котором стояла городская крепость (ивр. *יִצְיָן*, Цийон); этимология неясна, возможно, «цитадель» или «укрепление на холме». Для евреев Сион – символ Иерусалима и всей Земли Обетованной, к которой еврейский народ стремился со времени рассеяния после разрушения Иерусалимского Храма. А в Торе Бог называет «скалой» самого Авраама и сам Бог Авраама среди прочих имеет эпитеты «цур исраел» (скала Израиля) и «эбен исраел» (камень Израиля). На протяжении последних трёх тысячелетий слово «Израиль» обозначало как *Землю Израиля* (ивр. *אֶרֶץ יִשְׂרָאֵל*, *Эрец-Исраэль*), так и весь *еврейский народ*. Вот и разлучённые влюбленные, страдающие в разлуке друг с другом. [3].

Согласно восточным представлениям, человек есть «пылинка мира», причастность человека к Гармонии мира определяется его способностью проникнуть в незримое, прикоснуться к духовным основаниям бытия. Притом только через обращение к своему внутреннему миру: *«Душа изберёт сама своё Общество –/ И замкнёт Затвор./ В её божественное Содружество –/ Не войти с этих пор./ Напрасно – будут ждать колесницы –/ У тесных ворот...»* [1]. Человек же должен «раствориться» во Вселенной – требует восточное мировидение. А для этого стоит, словно под микроскопом Мировой Идеи, рассмотреть все окружающие нас вещи, познать себя, попробовать преодолеть субъективное и объективное. В повседневном Дикинсон видит ключи к разгадыванию беспредельных тайн Вселенной. А они, согласно ей, кроются в двух амбивалентно выраженных зеркальных плоскостях, невозможных реализовываться друг без друга, – *Природе* и *Душе Человека*. У Тютчева вполне можно обнаружить нечто близкое к определённом нами у Э.Дикинсон, с несколькими оговорками: в особенностях консеквенции изложения мысли, неисчерпаемости последней как таковой, выражении её в слове (*«...Лишь жить в самом себе умей –/ Есть целый мир в душе твоей...»* [4]). Но в принципе вопросы, характер их разрешения и основа нанизывания нитки мысли, как приходится нам заключить, вполне общие. Отсюда и тяготение к интуитивно-мистическому созерцанию мира и самого (самой) себя и через это «слияние» человека с ним (приобщённость к интровертному восточному этическому

¹ *Кедр – священное дерево зороастрийцев. Кедр – это священное дерево Аша-Вахшиты, через него проявляется Добро, проявляется Огонь, и кедровая смола отгоняет дэвов. Непроста мы находим соответствующее упоминание о нём и у Ф. И. Тютчева, правда, вполне на интереснейшем переработанном другим гением (Генрихом Гейне) восточном материале. В другом стихотворении Эмили Дикинсон читаем: Истина – неколебима! Дрогнув земные недра – Дуб разожмёт кулаки – В сторону прянет кедр... [2; с. 469; перевод В. Н. Марковой].*

идеалу). Проявлением такового у обоих поэтов выступает идеал красоты ваби – стиль тишины. Отсюда явное стремление и Тютчева, и Э.Дикинсон к гномической форме стиха, унаследованная в лучших традициях от совершенных образцов восточной поэзии. Таким образом, тяготение через метафизические прозрения раскрыть насущные проблемы тварного бытия, издавна исследуемые многочисленными культурами и достигшие своего апогея в восточной философии, в творчестве Тютчева и Э.Дикинсон, как мы убедились, реализуются на нескольких уровнях познания, а значит, реализация ориентального аспекта в философской лирике поэтов в действительности срабатывает как средоточие взаимодополняющих друг друга знаний, приобщающих нас к общему источнику последних.

Литература

1. Американская поэзия в русских переводах. XIX – XX вв. Сост. С. Б. Джимбинов. На англ. яз. с параллельным русским текстом. М.: Радуга. – 1983 – 672 с.
2. Библиотека всемирной литературы, серия вторая, том 119. Генри Лонгфелло. Песнь о Гайавате. Уолт Уитмен. Стихотворения и поэмы. Эмили Дикинсон. Стихотворения. – Изд-во «Художественная литература». – М., 1976, 526 с.
3. Каганцов Марк. Тайна одного известного стихотворения Генриха Гейне. 7x7-journal.ru/post.
4. Тютчев. Ф. И. Лирика. – М.: Эксмо, 2009. – 384 с., илл.